

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-3-7>

УДК 343

Attribution

cc by

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ
И НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Довлатов А.Н.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и правовые аспекты конкуренции как комплексной социально-экономической и правовой категории. На основе анализа Федерального закона «О защите конкуренции», исследуются ключевые понятия: «монопольная деятельность», «недобросовестная конкуренция» и «признаки ограничения конкуренции». Особое внимание уделяется соотношению антимонопольного и уголовного законодательства. Автор анализирует установленный Уголовным кодексом РФ круг преступлений, посягающих на конкурентные отношения (ст. 178, 180, 183 УК РФ), и обосновывает позицию о нецелесообразности включения в него составов, предусмотренных ст. 179 и 184 УК РФ, ввиду их иной социально-правовой природы. В статье также рассматриваются новеллы антимонопольного регулирования 2023 года, касающиеся злоупотребления доминирующим положением владельцами цифровых платформ, и констатируется наличие диссонанса между динамикой отраслевого законодательства и статичностью уголовно-правовых норм о картелях.

Ключевые слова: уголовный закон, преступление, состав преступления, предмет преступления, монополистические действия, ограничение конкуренции, недобросовестная конкуренция.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE CRIMINAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF MONOPOLISTIC
ACTIONS AND UNFAIR COMPETITION

Alexander N. Dovlatov

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubili

Abstract. The article examines the theoretical and legal aspects of competition as a complex socio-economic and legal category. Based on the analysis of the Federal Law "On Protection of Competition", the key concepts are investigated: monopolistic activity, unfair competition and signs of restriction of competition. Special attention is paid to the relationship between antimonopoly and criminal legislation. The author analyzes the range of crimes infringing on competitive relations established by the Criminal Code of the Russian Federation (art. 178, 180, 183 of the Criminal Code of the Russian Federation), and substantiates the position that it is inappropriate to include the compositions provided for in Articles 179 and 184 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to their different socio-legal nature. The article also examines the novelties of antimonopoly regulation in 2023, concerning the abuse of a dominant position by owners of digital platforms, and states the existence of a dissonance between the dynamics of industry legislation and the static nature of criminal law norms on cartels.

Keywords: criminal law, crime, corpus delicti, subject of crime, monopolistic actions, restriction of competition, unfair competition.

Funding: Independent work.

Введение.

Основополагающим нормативным актом, регулирующим антимонопольные отношения в Российской Федерации, является Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о конкуренции). В качестве ключевых целей данного документа обозначены пресечение монополистической деятельности и недопущение действий, влекущих ограничение конкуренции. Именно эти два взаимосвязанных направления – борьба с монополизмом и предотвращение ограничений конкурентной среды – образуют фундамент правового механизма защиты свободной конкуренции.

Обсуждение. Результаты.

Под конкуренцией в одноименном Законе понимается «соперничество хозяйствующих субъектов,

при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [1].

Конкуренцию, по своей сути, допустимо определить, как специфический социальный институт, выполняющий функцию регулятора поведения участников рыночных отношений. Выступая в данном качестве, она формирует контуры экономических пропорций и воздействует на характер общественных связей.

Право, будучи неотъемлемым элементом системы социальной регуляции, вступает во взаимодействие с конкуренцией, очерчивая допустимые границы

последней. Вместе с тем, ни право, ни законодательные установления не могут выступать полноценной альтернативой конкурентному механизму.

Одним из проявлений конкуренции выступает обеспечение прав потребителей, в частности, возможности выбора и доступа к информации. В отсутствие конкурентной среды данные правомочия приобретают декларативный характер. Более того, потребительское поведение в современных экономических условиях рассматривается как существенный элемент конкурентной борьбы, и в некоторых правовых порядках потребители официально признаются субъектами конкурентных отношений.

Необходимо проводить разграничение между конкуренцией и предпринимательской деятельностью. Конкуренция представляет собой правомерную, осуществляемую на автономных началах деятельность рыночных субъектов, ориентированную на достижение преимущественного положения посредством состязательности. Определяющим признаком здесь выступает именно наличие элемента соперничества. Предпринимательская же деятельность может реализовываться и при отсутствии такового, что наглядно иллюстрируется примером естественных монополий.

С юридической точки зрения, в конкурентной деятельности принципиальное значение приобретают способы достижения поставленных целей: они должны отвечать критериям законности, добросовестности, а также соответствовать принципам разумности и справедливости [2].

Таким образом, конкуренция представляет собой урегулированные правом общественные отношения между хозяйствующими субъектами в процессе их деятельности. Будучи оформленной правовыми нормами, она становится правоотношением со всеми его элементами. Совокупность этих характеристик – социальных, экономических и правовых – и составляет сущность конкуренции как комплексной категории.

Монополистическая деятельность в анализируемом законе трактуется как «злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением, соглашения или согласованные действия, запрещенные антимонопольным законодательством, а также иные действия (бездействие), признанные в соответствии с федеральными законами монополистической деятельностью» [1].

В свою очередь, понятие «недобросовестная конкуренция» представлено следующим образом: это «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству РФ, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» [1].

В законе «О конкуренции» предусмотрены нормативные признаки ограничения конкуренции.

Ограничение конкуренции проявляется через ряд конкретных признаков, которые можно разделить на две основные категории: действия субъектов рынка и действия публичных органов.

I. Признаки, связанные с поведением хозяйствующих субъектов:

1) сокращение числа независимых игроков: уменьшение количества хозяйствующих субъектов, не являющихся частью одной корпоративной группы, на конкретном товарном рынке;

2) ценовые аномалии: рост или снижение цены товара, не обусловленные соответствующими изменениями иных объективных рыночных условий (спрос, издержки и т.д.);

3) отказ от самостоятельности: фактический отказ независимых компаний от автономных действий на рынке;

4) согласованность в установлении условий: определение общих условий обращения товара (цены, объемов, территории сбыта) не рыночным путем, а в результате:

- прямого соглашения между субъектами;
- следования обязательным указаниям третьего лица;
- скоординированных действий формально независимых компаний.

5) иные обстоятельства, создающие возможность для одного или нескольких субъектов в одностороннем порядке диктовать условия на рынке.

II. Незаконные административные барьеры.

К особым признакам ограничения конкуренции также относится установление не предусмотренных федеральным законодательством требований к товарам или к хозяйствующим субъектам со стороны:

- органов государственной власти или местного самоуправления;
- организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг.

Эти действия публичных органов искажают конкурентную среду, создавая неравные условия для ее участников [1].

В общем массиве действий, нарушающих антимонопольное законодательство, уголовная ответственность наступает лишь за отдельные, наиболее опасные их формы. Российский законодатель установил такие меры прежде всего за ограничение конкуренции (статья 178 УК РФ).

Если обратиться к структуре Закона о конкуренции, то его вторая глава, именуемая «Монополистическая деятельность», охватывает широкий круг нарушений. К ним относятся злоупотребление компанией своим доминирующим положением на рынке, а также различные антиконкурентные соглашения и согласованные действия. Однако уголовное право подходит к этому вопросу более узко. Из всего многообразия форм монополистической деятельности, описанных в законе, под сферу действия ст. 178 УК РФ подпадают исключительно картели. Иными словами, криминализованы только те соглашения между хозяйствующими

субъектами, которые напрямую направлены на ограничение конкуренции.

Помимо картельных сговоров, законодательство выделяет и иные формы монополистической деятельности, подпадающие под запрет:

1. Злоупотребление доминирующим положением. Речь идет о ситуациях, когда компания, обладающая значительной рыночной властью, предпринимает действия (или, напротив, бездействует), результатом которых становится либо потенциально может стать подавление конкурентной среды, а также ущемление прав и законных интересов иных участников рынка или потребителей.

2. Антиконтурентные согласованные действия. Под запрет подпадает поведение нескольких хозяйствующих субъектов, которое, будучи скоординированным, ограничивает конкуренцию. Закон выделяет несколько ключевых форм таких действий:

- ценовые манипуляции: установление и поддержание единых цен, скидок или надбавок, а также согласованное изменение цен в ходе торгов;

- рыночный раздел: координация действий по распределению рынка по географическому принципу, по ассортименту товаров, по объему продаж или по кругу покупателей и продавцов;

- сокращение производства: согласованное уменьшение объемов или полное прекращение выпуска товара с целью искусственного изменения ситуации на рынке;

- дискриминация контрагентов: немотивированный отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (если такая обязанность прямо не предусмотрена законом).

3. Особый режим для энергорынка. Отдельно оговаривается безусловный запрет на любые согласованные действия участников рынка электроэнергии, которые приводят к манипулированию ценами (тарифами) на оптовом или розничном сегменте.

4. Иные формы антиконтурентного поведения. Закон также содержит общий запрет на любые другие виды согласованных действий конкурентов, ведущие к ограничению рыночного соперничества, даже если они не перечислены в закрытом перечне. Примером могут служить:

- навязывание партнеру условий, невыгодных для него или не относящихся к предмету сделки;

- необоснованное применение разных цен к разным контрагентам на один и тот же товар;

- создание согласованных барьеров для входа на рынок новых игроков или для выхода с него существующих.

Таким образом, правовое регулирование формирует комплексный барьер для любых форм коллективного поведения рыночных субъектов, целью или результатом которого является подрыв конкурентных начал [1].

Важным изменением в антимонопольном регулировании 2023 г. стало появление специальных норм, касающихся злоупотребления доминирующим

положением со стороны владельцев цифровых платформ. Под действие этих новых правил, в частности, подпадают крупные маркетплейсы, чье рыночное влияние теперь оценивается с учетом специфики цифровой среды.

Законодательство распространяет антимонопольные требования на крупные цифровые платформы, которые выступают в роли организаторов взаимодействия между продавцами и покупателями. Для них устанавливается специальный запрет, который по своему содержанию аналогичен нормам, применяемым к традиционным участникам рынка. В частности, владельцам таких платформ не допускается злоупотреблять своим доминирующим положением, используя те же формы нарушений, которые перечислены в статье 10 Закона о конкуренции. Критерии применения данного запрета являются кумулятивными; то есть, должны выполняться все три условия одновременно:

1) наличие рыночного влияния, усиленного сетевым эффектом. Цифровая платформа благодаря сетевому эффекту должна обладать способностью:

- результативно влиять на общие условия торговли на соответствующем рынке;

- вытеснять с этого рынка других операторов;

- создавать барьеры для входа на рынок новых участников;

2) значительная доля рынка. Доля сделок, заключенных через данную платформу, должна превышать 35% от общего стоимостного объема рынка, где эта платформа функционирует;

3) крупный размер бизнеса. Годовая выручка владельца платформы должна превышать 2 миллиарда рублей.

Таким образом, законодатель устанавливает повышенные требования к компаниям, обладающим значительным влиянием на формируемые цифровые рынки, признавая их особый статус и потенциал к ограничению конкуренции в цифровой экосистеме [1].

Данное нововведение в антимонопольном законодательстве продиктовано объективной потребностью в правовом регулировании быстрорастущего сегмента электронной коммерции.

В современных реалиях цифровые торговые площадки трансформировались из простых онлайн-рынков в самостоятельную сферу торговли, обладающую уникальными правилами и устоявшимися практиками.

Законодательство о конкуренции служит нормативной платформой для целого ряда уголовно-правовых норм. В его структуре предусмотрена отдельная глава, посвященная недобросовестной конкуренции, где поименованы такие противоправные проявления, как дискредитация конкурентов, введение потребителей в заблуждение, использование некорректных сравнений, неправомерное применение средств индивидуализации, а также действия, связанные с нарушением коммерческой или другой охраняемой законом тайны. Однако уголовная ответственность установлена не за

все перечисленные составы: законодатель криминализировал только два из них – незаконное использование средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ) и противоправное получение, разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую тайну (ст. 183 УК РФ).

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что в российском законодательстве сформирована определенная совокупность преступных посягательств, направленных против отношений, гарантирующих свободную конкуренцию. В настоящее время данную группу образуют составы, закрепленные в ст. 178, 180 и 183 УК РФ. При этом в уголовно-правовой науке существуют и альтернативные позиции относительно границ этой группы преступлений. Так, некоторые авторы обосновывают целесообразность расширения указанного перечня за счет включения в него нормы об ответственности за принуждение к заключению сделки либо к отказу от ее совершения (статья 179 УК РФ) [3, с. 39; 4, с. 6-7].

С этой точки зрения, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения действительно может рассматриваться как один из инструментов монополистической практики. Но лишь в тех случаях, когда такое принуждение применяется для ограничения конкуренции, оно напрямую нарушает общественные отношения, обеспечивающие свободу добросовестного соперничества на рынке. Иными словами, данное деяние способно выступать способом подавления конкуренции, что обосновывает его включение в группу преступлений, посягающих на конкурентные отношения, как это и предлагается в доктрине уголовного права. Например, доминирующий субъект может принуждать контрагентов к невыгодным договорам, тем самым вытесняя с рынка конкурентов и нарушая его конкурентную структуру.

Однако при более глубоком анализе становится очевидным, что уголовный запрет, установленный ст. 179 УК РФ, обладает значительно более широкой социально-правовой природой. Существуют веские основания полагать, что в значительном числе ситуаций данное преступление совершается вне сферы конкурентных отношений. Его основным непосредственным объектом зачастую являются не общественные интересы в свободе конкуренции, а автономия воли и имущественные интересы конкретного потерпевшего, а также установленный порядок осуществления экономической деятельности как таковой.

Фактически, данное преступление во многих своих проявлениях носит общеуголовный характер. Оно может быть совершено в бытовой или иной сфере, не связанной с предпринимательством или конкуренцией (например, принуждение к дарению имущества под угрозой насилия).

Таким образом, хотя ст. 179 УК РФ и находится в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности, ее основное предназначение заключается не в специальной защите конкуренции, а в охране свободы экономического (и не только) волеизъявления

от противоправного принуждения, независимо от контекста рыночного соперничества.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод. Хотя принуждение к совершению сделки или отказу от нее в отдельных случаях может выступать элементом недобросовестной конкуренции, по своей правовой природе оно представляет собой самостоятельное общеуголовное деяние. Основным объектом его посягательства выступают не конкурентные отношения, а свобода договора и имущественные права, защищаемые от неправомерного внешнего давления.

Кроме того, в Законе о конкуренции принуждение к сделке не упоминается в качестве одной из форм нарушения конкурентных отношений. Это также свидетельствует о том, что отраслевое законодательство не рассматривает данное деяние как сугубо антимонопольный деликт. На основании совокупности этих факторов многие специалисты в области уголовного права не включают состав преступления, предусмотренный ст. 179 УК РФ, в группу деяний, посягающих на отношения свободной конкуренции. [5, с. 9; 6, с. 157; 7, с. 37; 8, с. 232].

Развивая предложенный подход к анализу смежных составов, представляется возможным применить аналогичную аргументацию и при оценке преступления, закрепленного в ст. 184 УК РФ (Противоправное воздействие на результаты официальных спортивных состязаний либо зрелищных коммерческих конкурсов). Указанное деяние, являясь по своему содержанию разновидностью коррупционных проявлений в специфической области – при организации и проведении спортивных мероприятий или коммерческих конкурсов, – обнаруживает лишь весьма отдаленное отношение к защите отношений, связанных со свободной экономической конкуренцией. Если исходить из содержания, которое вкладывает в понятие конкуренции антимонопольное законодательство, рассматриваемый состав преступления не обнаруживает с ней устойчивой системной связи. Социальная вредность этого деяния коренится в иной сфере, нежели посягательства на рыночное соперничество хозяйствующих субъектов.

Основным непосредственным объектом здесь выступают не универсальные рыночные механизмы и не защита от ограничения конкуренции на товарных рынках, а конкретные общественные отношения, обеспечивающие:

- принцип честности и справедливости самих состязательных процедур (спортивных или коммерческих);
- имущественные и неимущественные интересы организаторов, участников, зрителей и букмекерских контор, которые основаны на предположении о честном результате;
- порядок осуществления профессиональной деятельности в сфере спорта и организации зрелищных мероприятий.

Это подтверждается тем, что в отраслевом (специальном) законодательстве, регулирующем защиту конкуренции, подобные действия не признаются формами недобросовестной или ограничивающей конкуренцию практики. Они не включены в перечень монополистических действий или актов недобросовестной конкуренции. Их юридическая квалификация и запрет осуществляются в рамках иной нормативной базы – законодательства о физической культуре и спорте, а также уголовного права как средства защиты общественной нравственности и справедливости в специфических видах деятельности.

Таким образом, состав преступления, предусмотренный ст. 184 УК РФ, будучи помещенным в главу о преступлениях в сфере экономики, охраняет в первую очередь не конкуренцию как базовый экономический институт, а целостность и легитимность специальных состязательных отношений, имеющих самостоятельную социальную и экономическую ценность. Его родовая принадлежность к экономическим преступлениям обусловлена скорее коммерческим контекстом и наличием имущественного ущерба, но не направленностью на защиту конкурентной среды как таковой. Это еще один пример деяния, которое, затрагивая экономические интересы, посягает в своей основе на иной круг охраняемых законом общественных отношений.

Представляет определенный интерес тот факт, что вплоть до 2003 г. система уголовно-правовой охраны конкурентных отношений включала еще одну норму – ст. 182 УК РФ, которая предусматривала ответственность за заведомо ложную рекламу. В настоящий момент подобного рода правонарушения регламентируются законодательством о рекламе и квалифицируются как административные правонарушения по ст. 14.3 КоАП РФ.

Между тем, как нам представляется, распространение заведомо недостоверных рекламных сведений достаточно часто выступает эффективным средством монополистической практики и способно приводить к существенному ограничению конкурентных механизмов. Используя ложную информацию, недобросовестные хозяйствующие субъекты приобретают неоправданные рыночные преимущества, дезориентируют потребительскую аудиторию и, как следствие, деформируют конкурентную среду.

В этой связи, следует признать, что проблема обоснованности применения именно уголовно-правовых мер противодействия указанному деянию не утратила своей значимости и в нынешних условиях. Думается, что обозначенный вопрос требует самостоятельного, более детального исследования и специального научного осмысления.

Заключение.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1. Уголовная ответственность наступает лишь за наиболее общественно опасные деяния из обширного спектра нарушений антимонопольного законодательства. Так, в УК РФ прямо криминализировано ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ). При этом если антимонопольное законодательство детально регулирует целый комплекс монополистических действий (злоупотребление доминированием, различные соглашения), то уголовный закон фокусируется в основном на картельных сговорах как на самой грубой форме такого ограничения.

Антимонопольное законодательство выступает в качестве нормативной базы, определяющей контуры уголовно-правовых запретов в рассматриваемой сфере. Им установлен исчерпывающий спектр деяний, квалифицируемых как недобросовестная конкуренция: дискредитация участников рыночных отношений, введение потребителей в заблуждение, применение некорректных сравнений, неправомерное использование объектов индивидуализации, а также незаконные операции с информацией, имеющей коммерческую ценность.

Вместе с тем, уголовный закон избирательно подходит к оценке указанных нарушений. Из всего многообразия перечисленных противоправных действий криминализованы лишь два – неправомерное использование средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ) и незаконные сбор и распространение сведений, относимых к коммерческой или другой охраняемой законом тайне (ст. 183 УК РФ).

Исходя из этого, можно заключить, что действующее правовое регулирование очерчивает достаточно ограниченный, но вполне определенный перечень уголовно наказуемых посягательств на отношения, обеспечивающие свободное и добросовестное соперничество на рынке. Иные нарушения в этой сфере выведены законодателем за рамки уголовно-правовых отношений и подлежат квалификации либо как административные правонарушения, либо как гражданско-правовые деликты.

2. Динамика развития рынков, особенно в эпоху цифровизации, активно влияет и на законодательство. Ярким примером стало введение в 2023 г. специальных норм, касающихся злоупотребления доминирующим положением владельцами цифровых платформ (к которым относятся, в частности, крупные маркетплейсы). Эта новация отражает попытку законодателя адекватно реагировать на появление новых, сложных рыночных реалий, где цифровые площадки формируют собственные экосистемы с уникальными правилами.

Несмотря на такие адаптации антимонопольного права, вызванные цифровой трансформацией, уголовно-правовые нормы, касающиеся картелей, остаются без существенных изменений. Это создает определенный диссонанс между быстро эволюционирующим экономическим ландшафтом и инструментарием уголовного преследования.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия	Review
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О защите конкуренции" // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
2. Антимонопольное (конкурентное) право: Учебник / (Писенко К.А., Бадмаев Б.Г., Казарян К.В.) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014).
3. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр "Пресс", 1999. ISBN: 5-93292-001-7 EDN: UQOХСТ
4. Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.И. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. ISBN: 5-7638-0116-4 EDN: SBRDWD
5. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. EDN: NLKMСВ
6. Клепичский И.А. Система норм о хозяйственных преступлениях: основные тенденции развития: Дис.... д-ра юрид. наук. М., 2006. EDN: NOYСIX
7. Кузнецов А.П., Бокова И.Н., Маршакова Н.Н. Преступления в сфере экономической деятельности // Бизнес в законе. 2006. № 1-2. С. 37. EDN: JWQFQV
8. Серебруев И.В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика: Дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

References:

1. Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 (as amended on 24.06.2025) "On Protection of Competition" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07/31/2006. No. 31 (1 part). Art. 3434.
2. Antimonopoly (competition) law: Textbook / (Pisenko K.A., Badmaev B.G., Kazaryan K.V.) (Prepared for the Consultant-Plus system, 2014).
3. Volzhenkin B.V. Economic crimes. St. Petersburg: Law Center "Press", 1999. ISBN: 5-93292-001-7 EDN: UQOХСТ
4. Gorelik A.S., Shishko I.V., Khlupina G.I. Crimes in the sphere of economic activity and against the interests of service in commercial and other organizations. Krasnoyarsk, 1998. ISBN: 5-7638-0116-4 EDN: SBRDWD
5. Lopashenko N.A. Crimes in the sphere of economic activity: concept, system, problems of qualification and punishment: Abstract of the dissertation of Dr. Yurid. sciences'. Saratov, 1997. EDN: NLKMСВ
6. Klepitsky I.A. The system of norms on economic crimes: the main development trends: Dis.... Dr. jurid. nauk. M., 2006. EDN: NOYСIX
7. Kuznetsov A.P., Bokova I.N., Marshakova N.N. Crimes in the sphere of economic activity // Business in law. 2006. No. 1-2. Pp. 37. EDN: JWQFQV
8. Serebruev I.V. Crimes encroaching on the integrity of competitive relations: genesis, system, criminal law characteristics: Dis.... cand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2016.

Информация об авторе:

Довлатов Александр Николаевич, аспирант кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия, aleksandr.dovlatov@mail.ru
Aleksandr N. Dovlatov, External PhD student at the Department of Criminal Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.02.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.03.2026;
Принята к публикации / Ascerted for publication 20.03.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.